

© О.Н. ТУРЫШЕВА

oltur3@yandex.ru

УДК 821.111–31 + 821.111'04

**ИСТОРИЯ ЧИТАТЕЛЯ КАК «МЕНТАЛЬНАЯ ОДИССЕЯ»:
КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ПОВЕСТИ
А. БАЙЕТТ «ДЖИНН ИЗ БУТЫЛКИ СТЕКЛА “СОЛОВЬИНЫЙ ГЛАЗ”»***

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме изображения читателя в литературе. Ставится вопрос о формировании традиции художественного изображения читателя. Сопоставляется специфика воплощения его образа в средневековой и современной литературе.

SUMMARY. The article concerns the problem of the reader's description in literature. The issue of shaping a tradition of the reader's artistic portrayal is to be discussed. The specificity of the reader's image is compared through studying medieval and modern literature.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сюжет самоопределения, изображение читателя, А. Байетт, литература о читателе, герой-читатель.

KEY WORDS. Self-determination plot, the reader's image, A. Byatt, literature about the reader, character-reader.

Сюжет личностного самоопределения человека является активным сюжетом современной художественной литературы. При этом сама проблема самоопределения нередко решается посредством изображения поиска героем тех культурных моделей, опора на которые позволила бы ему реализовать свои экзистенциальные претензии. В роли такого героя современная литература часто выводит читателя — героя, надеющегося осуществить собственный жизненный сюжет в пробе тех или иных книжных стратегий.

Изображение такого героя имеет давнюю традицию, корни которой уходят в литературу европейского средневековья. Ее образуют, например, такие тексты, как «Исповедь» Аврелия Августина (а именно ее восьмая книга, где Августин описывает собственное чтение Священного Писания, обернувшееся его обращением в христианство), «Божественная комедия» Данте (имеется в виду фрагмент исповеди Франчески да Римини, погубившей душу в цитировании литературного поцелуя), «Дон Кихот» М. Сервантеса, «Гамлет» Шекспира. Герой Сервантеса, напомним, в опоре на героическую модель поведения, заимствованную из куртуазного романа, пытается изменить несправедливый миропорядок по образу и подобию его литературного изображения. Герой Шекспира на протяжении всей пьесы изображается в поиске текста, опора на который могла бы составить воз-

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы» при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (№ НК-643П-50).

можное разрешение ситуации, являющейся предметом его мучительных размышлений. К проблеме выбора такого текста Гамлет непосредственно обращается, например, в сцене приветствия актеров, где он вспоминает о том, какое разрешение получила ситуация мести убийце отца в «Энеиде» Вергилия, а именно в таком ее эпизоде, как казнь Пирром царя Трои Приама. Интересно, что проблема выбора «нужной» книжной модели поведения не теряет для Гамлета своей актуальности на протяжении всего действия — несмотря на то, что вопрос осуществления подобного намерения вызывает у него скептическую эмоцию уже в рамках одного из первых эпизодов трагедии («Слова, слова, слова» — отвечает он на вопрос Полония относительно предмета своего чтения).

Подчеркнем, что в средневековой литературе изображение героя как носителя цитатно ориентированного поступка не подразумевало проблематику личностного самоопределения, будучи подчинено культуре предустановленных в нормативной культуре ценностей. Согласно ему читатель рассматривался как объект императивного воздействия со стороны литературы, должный в своей практике реализовать тот «ценностный урок» [1], с сообщением которого и связывалась в традиционалистской культуре основная функция литературы. Поэтому в рамках средневековой литературы о читателе прямо ставился вопрос о *практическом* значении чтения в жизни читателя, то есть вопрос «о пользе и вреде *чтения* для жизни», ориентированной, соответственно ментальности традиционализма, на обретение «самооправдания перед высшим духовным центром» (В.И. Тюпа).

Следует, правда, указать на то, что истории позднеренессансных читателей — Гамлета и Дон Кихота — уже разрушают «духовную тотальность» (Л. Баткин) традиционализма. Так, Дон Кихот в финале романа прокликает куртуазную литературу, ставшую источником его иллюзий — несмотря на то, что в содержательном плане она воспроизводила нормативную христианскую систему ценностей. Гамлет, хотя и подразумевает в попытке отказа от предумышленного зла опору на Священное Писание (в соответствии с версией Н. Микеладзе), превращает сакральный христианский текст *в один из множества других* источников модели поведения. Параллельно он осмысляет возможность опоры и на иные тексты, например, «Иеронимо» Т. Кида [2], или текст античной трагедии об Оресте — Еврипида или Эсхила [3], или «Энеиду» Вергилия. Но, несмотря на то, что императив опоры на нормативный текст на излете эпохи традиционализма обернулся сомнением или даже разочарованием в его осуществимости, изображение читателя было сосредоточено на вопросе самооправдания героя перед «готовой» истиной. Пожалуй, оно (изображение читателя) коснулось проблематики личностного самоопределения только в случае Гамлета.

В литературе современной, имеющей иные ментальные основания, взаимоотношения человека с литературой изображаются в ином ключе. В современной словесности с опорой на литературу связывается, как правило, осуществление читателем сугубо личностного проекта (а не обретение готовых, легитимированных в культуре установок, как в литературе нормативного типа ментальности). Это может быть проект «метафизического утешения» (Ф. Ницше), проект интерпретации жизни, проект преобразования жизненного контекста, эксперимента или приключения, проект осуществления коммуникации с другим человеком, проект самоутверждения, поиска смысла жизни или самоопределения. Последний нашел свое изображение, например, в таких произведениях совре-

менной литературы, как новелла А. Байетт «Джинн из бутылки стекла “соловьиный глаз”» (1994), роман Б. Шлинка «Чтец» (1995), роман М. Каннингема «Часы» (1998), роман Ф. Проуз «Голубой ангел» (2002), роман К.Дж. Фаулер «Книжный клуб Джейн Остен» (2004) и других.

В описании такого типа читательской обращенности к литературе мы остановимся на повести Антонины Байетт «Джинн из бутылки стекла “соловьиный глаз”». В соответствии с нашей идеей, героиня данной повести в осуществлении собственного жизненного сюжета переживает стадии, аналогичные стадиям в истории человеческой ментальности. Это последовательно сменяющиеся друг друга стадии нормативной, дивергентной и конвергентной духовности [1, 4], в рамках каждой из которых самоосуществление человека имеет свои специфические контуры. Нормативная ментальность «порождает ролевую мотивацию поведения», движимую «заботой о своем соответствии/несоответствии занимаемому месту в миропорядке» [1; 18]. Ментальность дивергентного сознания утверждает себя в акте свободного самоутверждения в мире других и часто за счет других, а ментальность конвергентного сознания — «в “диалоге согласия” (М. Бахтин) с другими субъектами жизни», диалоге, в рамках которого «ценность “я” основывается на позитивной ценности “другого”» [1; 18-19].

В истории героини А. Байетт переход от одной стадии к другой осуществляется на почве осмысления тех культурных моделей, которые были запечатлены в словесности — как письменной, так и устной, фольклорной. Неслучайно в образе персонажа, ищущего новые экзистенциальные опоры, в повести выведена профессиональная читательница, доктор филологии Джилиан Перхольт.

Ее история берет свои корни в ситуации острого переживания кризиса гендерной идентичности: героиня не хочет быть женщиной и, более того, предполагает, что подобное переживание должно быть свойственно любой представительнице ее пола. Интересно, что проблема гендерной самоидентичности в истории героини заявляет о себе тогда, когда она уже осуществила стереотипную модель женской судьбы и убедилась в ее неподлинности. Дело не просто в том, что ее взрослые дети покинули родной дом и уехали из Англии, а муж сбежал с молодой любовницей; дело в том, что после распада семьи героиня переживает не горечь утраты и предательства, а радость освобождения: «Она чувствовала, как перед ней раздвигаются горизонты ее собственной жизни» [5; 148]. Размышляя о том, почему неподлинная модель часто определяет линию женской истории, героиня связывает феномен женской несвободы с той идеологией женской судьбы, которая нашла свою литературную канонизацию в средневековом сюжете о долготерпеливой Гризельде.

Джилиан обращает особое внимание на то, что Гризельда, выдержав с честью самые изощренные испытания на смирение, заслужила почитание не только со стороны своего мужа-мучителя, но и со стороны авторов, обращавшихся к данному сюжету — Дж. Боккаччо и Дж. Чосера. Следует, правда, напомнить, что в интерпретации смысла истории Гризельды у Боккаччо и Чосера есть серьезные отличия. Если для Боккаччо смирение Гризельды является безусловным свидетельством ее героизма, то у Чосера авторское отношение уже не столь однозначно, и к очевидному уважению уже примешивается определенная доля скепсиса по поводу необходимости подобного долготерпения, о чем он прямо сообщает читателям в авторском послесловии к «Рассказу студента»:

Гризельда умерла, и вместе с ней
В могильный мрак сошло ее смиренье...
Никто Гризельды не найдет второй
В своей супруге, — в этом нет сомненья.
О жены благородные, смелей
Свое отстаивайте положенье [6; 385].

Выступая на научной конференции, героиня А. Байетт выстраивает свой доклад с комментарием легенды о Гризельде именно по чосеровскому варианту ее литературной обработки. Однако неоднозначность его авторской концепции как бы уходит из поля зрения изображенной исследовательницы: ее интересует только сама фабула. Это фабула, которая, по мысли героини, закрепила за женщиной роль судьбы в истории женщины, и спроектировала данный ситуативный канон в последующую литературу: «Все истории о женских судьбах в художественной литературе... — это истории той же Гризельды» [5; 153], — размышляет героиня.

Переживая собственную причастность к этому образу женской обреченности, героиня отвергает гендерную схему, запечатленную в легенде о Гризельде. В основе этой схемы лежит нормативное исполнительство, смертоносное, как понимает Джилиан, для женского естества.

Противостояние данной модели приводит героиню к конструированию иной ситуации, но вновь по прецедентным литературным мотивам, а именно по мотивам восточных сказок о любовном дуэте женщины и джинна. Во второй части повествование обретает фантастическое измерение, будучи сосредоточено на описании взаимоотношений героини с волшебным духом. В рамках этой фантастической ситуации смирения изображается мужчина — освобожденный джинн, вынужденный исполнять желания женщины-госпожи. Происходит выворачивание наизнанку той ситуации, которая была канонизирована в легенде о Гризельде: хозяйкой положения оказывается женщина, пусть и на то время, пока не исполнены три ее желания.

Та и другая ситуации (европейская средневековая, узаконившая, по мысли героини, женское смирение как ролевой канон, и сказочная восточная, в рамках которой возможно осуществление свободного желания женщины), очевидно, воспроизводят разные типы самопонимания. Причем это типы, характерные для разных этапов в истории человеческой ментальности. Соответственно средневековой модели, которую героиня Байетт, очевидно, бессознательно осуществляет в своей прошлой семейной жизни, оправдание женского поведения связывается с покорным исполнением предписанной роли — в соответствии с «ценностным вектором долженствования», отличающим нормативную ментальность [1; 18]). Соответственно сказочной модели, орнаментированной по восточному фольклорному варианту, мотивация женского поведения опирается на «вольность самопроявлений» (как пишет В.И. Тюпа, характеризуя ментальность «уединенного» сознания [1; 18]), причем вольность, связанную с использованием вынужденной несвободы другого — мужчины.

Однако в финале повести героиня, отказываясь от права на неиспользованное третье желание, освобождает джинна-любовника от зависимости и служения. Предоставляя свободу мужчине, она ведет себя вопреки модели женщины-госпожи, модели самоутверждающегося поведения.

В повести отсутствует указание на то, что героиня сознательно конструирует фантастическую ситуацию, зеркальную по отношению к той, которая запечатлена в легенде о Гризельде: джинн оказался в ее жизни случайно, когда она откупорила старинную бутылку, приобретенную в сувенирной лавке. Также в повести отсутствует четко обозначенная граница между реальностью и вымыслом: все связанное с джинном вовсе не маркировано в повести как сон или фантазия героини. Однако (среди других возможных вариантов интерпретации) вполне поддается реконструкции мотив намеренного моделирования героиней такого контекста, в рамках которого возможным оказывается свободный диалог мужчины и женщины как «равнодостойных субъектов» (В.И. Тюпа). В рамках такой ситуации и происходит примирение героини со своим полом, в принадлежности к которому она уже было разочаровалась в силу того, что связала с ним высокую степень вероятности неподлинного — ролевого — существования. Выход в фантазийное пространство, которое воспроизводит мир восточных сказок, в рамках нашей интерпретации становится метафорой деятельного самоосуществления, реализации «мечты о себе» (М. Бахтин).

В данном случае героиня конструирует сюжет собственного самоопределения посредством столкновения разных культурных моделей на основе классической логической триады «тезис — антитезис — синтез». Отвергая героическую модель Гризельды, смиренной и долготерпимой жены, героиня выдвигает модель антитетическую — модель женщины-госпожи, с которой, однако, также не может связать идеал самоосуществления. В результате столкновения данных взаимоисключающих культурных моделей (самоотречения перед лицом мужчины и властвования над ним) формируется конвергентная позиция — позиция «свободного самоограничения личной свободы ради неподавления свободы другого» [4; 15], позиция согласия с другим как носителем иной субъективности. Фактически героиня повести осуществляет «ментальную одиссею»: отказываясь от ролевого исполнительства (традиционалистской нормы) и преодолевая искус дивергентного самоутверждения, она осуществляет тот самый «диалог согласия» (М. Бахтин) с другим, который и мыслится условием личностного самоосуществления в конвергентной культуре. Осуществление этого проекта в повести присвоено и изображено как имеющее своим условием мощную «интертекстуальную компетенцию», достигаемую в чтении «умном и прилежном», как охарактеризует Байетт счастливое чтение в своем более позднем произведении о филологе — романе «Обладать».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тюпа В.И. Историческая реальность и проблемы современной компаративистики. М.: РГГУ, 2002. С. 25.
2. Микеладзе Н.Э. Какую книгу читает Гамлет? (К вопросу об интерпретации трагедии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2001. № 4. С. 76-89. № 5. С. 80-109.
3. Шелогурова Г., Пешков И. Хор ratio в «Гамлете» // Новое литературное обозрение. 2008. № 94 (6). С. 61-84.
4. Тюпа В. И. Литература и ментальность. М.: Вест-Консалтинг, 2009. 276 с.
5. Байетт А. Джинн из бутылки стекла «соловьиный глаз» // Иностранная литература. 1995. № 10. С. 145-199.
6. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. И. Кашкина и О. Румера. М.: Правда, 1988. 556 с.